

[Введите текст]

Владимирская православная гимназия
Город Светлоград
Проект «Родная Речь.101км»

Вторая Речка. Мандельштам

Урок-эссе к 75-летию гибели О.Э. Мандельштама

2012 г.

Библиотека. Стеллажи с книгами, стол. На столе чайник, фарфоровая чашка. Звучит песня Ф. Шуберта из цикла «Прекрасная мельничиха» «Любимый цвет» (исп. И. Козловский). Александра появляется со стопкой книг – спускается по лестнице. Стопка до подбородка. Александра не удерживает книги, они рассыпаются. Александра присаживается на корточки, начинает книги собирать. Входит Амвросий тоже со стопкой книг, ставит стопку на стол, начинает помогать Александре. Александра открывает одну из книг, читает.

АЛЕКСАНДРА:
 Это какая улица?
 Улица Мандельштама.

АМВРОСИЙ: Мы что, сегодня будем говорить о Мандельштаме?

АЛЕКСАНДРА: Будем. В Проекте «Родная речь. 101-й километр». Мы открываем в нашем Городе Светлограде новый район – Вторая речка. Прочти.

Александра протягивает Амвросию книжку.

АМВРОСИЙ (*читает*):
 Мало в нем было линейного,
 Нрава он не был лилейного,
 И потому эта улица
 Или, верней, эта яма
 Так и зовется по имени
 Этого Мандельштама... И при чем тут какая-то Вторая речка?

АЛЕКСАНДРА: Давай заглянем в биографию этого Мандельштама. Осип Эмильевич Мандельштам умер 27 декабря 1938 года в 12 часов 30 минут в городе Владивостоке в пересыльном лагерном пункте Вторая речка.

К столу подходит Христина со стопкой книг.

ХРИСТИНА: Вы как-то с конца начали. Может быть, попробуем сначала?

АМВРОСИЙ (*присаживается на стол, листает книгу, ищет в ней текст*):
 Можно и с начала. Вот... Осип Мандельштам, русский поэт, родился 3 января 1891 года в Варшаве...

ХРИСТИНА (*открывая другую книгу, перебивает*): Нет-нет, подожди, это не то начало. Начало Второй речки должно звучать по-другому. Возможно, так:

Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

АЛЕКСАНДРА (*встает перед Христиной*): 30 июля 1937 года. Город Москва. Приказываю начать операцию во всех республиках, краях и областях...

АМВРОСИЙ (*встает перед Александрой*): ... В Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР операцию начать с 10 августа сего года, а в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области с 15 августа...

АЛЕКСАНДРА (*встает перед Амвросием*): ... При организации и проведении операций руководствоваться следующим: первое – контингенты, подлежащие репрессии...

ХРИСТИНА: К первой категории относятся все наиболее враждебные элементы. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу.

АМВРОСИЙ: Рас-...

АЛЕКСАНДРА: -стрел...

АМВРОСИЙ: Рас-...

АЛЕКСАНДРА: -стрел...

Слова звучат в ритме вальса.

На фоне этого ритма Христина напевает песенку.

ХРИСТИНА:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак.

АМВРОСИЙ: Бабье лицо уставилось в стекло окна, и по стеклу поползла жидкость слез, будто баба их держала все время наготове. Андрей Платонов... *(через паузу)* Ух ты, что-то померещилось, похоже...

АЛЕКСАНДРА: И все же я продолжу: Мандельштам родился 3 января 1891г. в Варшаве в семье мастера-кожевника, мелкого торговца. Через год семья поселяется в Павловске, затем в 1897 переезжает на жительство в Петербург. Здесь Мандельштам заканчивает одно из лучших петербургских учебных заведений - Тенишевское коммерческое училище.

ХРИСТИНА: В 1907 Мандельштам уезжает в Париж, слушает лекции в Сорбонне, знакомится с Николаем Гумилевым.

АЛЕКСАНДРА: Литературный дебют Мандельштама состоялся в 1910, когда в журнале «Аполлон» были напечатаны его пять стихотворений.

АМВРОСИЙ *(листает книгу)*: Стоп-стоп-стоп! Вот они, эти стихи! Читать будем?

ХРИСТИНА *(пожимает нерешительно плечами, берет книгу)*: Ну, я не знаю... Если только немного... Вот это, к примеру:

Дано мне тело - что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть
Узора милого не зачеркнуть.

АЛЕКСАНДРА:
Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза

И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая –
И потянулась, оживая,
Тончайших пальцев белизна...

АМВРОСИЙ: И причем здесь биография? Красное вино, солнечный май, истома, печаль... Декоративно, напыщенно, нежизненно, неправдиво! И вообще не современно времени, его ритму.

ХРИСТИНА: У тебя есть что-нибудь современной?

АМВРОСИЙ: Значительно современной. И значительно жизненной. Причем напрямую относится к биографии.

Звучит голос Сталина.

АМВРОСИЙ: Кто может возразить?

АЛЕКСАНДРА: Иосифу Виссарионовичу? Если только попробовать... Мне понадобятся помощники (*обращается в зал*). Вот текст. Я прочту первую строфу своего, нет, нашего общего возражения, Христина вторую, Амвросий третью строфу. А дальше кто-нибудь из зала.

Александра раздает в зал текст.

АЛЕКСАНДРА (*и дальше все по очереди*):

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.

ХРИСТИНА:

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет.

АМВРОСИЙ:

Я с веком поднимал болезненные веки -
 Два сонных яблока больших,
 И мне гремучие рассказывали реки
 Ход воспаленных тяжб людских.

ЗАЛ:

Сто лет тому назад подушками белела
 Складная легкая постель,
 И странно вытянулось глиняное тело, -
 Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового
 Какая легкая кровать!
 Ну что же, если нам не выковать другого, -
 Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
 Век умирает, а потом
 Два сонных яблока на роговой облатке
 Сияют перистым огнем.

После прочтения начинает звучать голос Мандельштама, который читает это же самое стихотворение.

АЛЕКСАНДРА: Это голос Мандельштама. И это наше с ним возражение. А теперь (*обращается в зал*) давайте просто почитаем его стихи. Может быть, у кого-то есть любимые?

Зал читает стихи Мандельштама.

ХРИСТИНА: Вернемся к биографии? И снова с начала.

АЛЕКСАНДРА: Тогда главное слово. Кто назовет?

АМВРОСИЙ: ГУЛАГ?

АЛЕКСАНДРА: ГУЛАГ.

ХРИСТИНА: ГУЛАГ...

АМВРОСИЙ (*листает книгу*): У меня тут что-то об этом было... Вот. ГУЛАГ - главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений. Подразделение НКВД СССР... А, вот он, список, по алфавиту:

1. Акмолинский лагерь жён изменников Родины (АЛЖИР)
2. Бамлаг
3. Берлаг
4. Безымянлаг
5. Белбалтлаг
6. Воркутлаг (Воркутинский ИТЛ)
7. Вятлаг
8. Дальлаг
9. Джезказганлаг
10. Джугджурлаг
11. Дмитровлаг (Волголаг)
12. Дубравлаг
13. Инталаг
14. Карагандинский ИТЛ (Карлаг)
15. Кизеллаг
16. Котласский ИТЛ
17. Краслаг
18. Локчимлаг
19. Норильсклаг (Норильский ИТЛ)
20. Озерлаг
21. Пермские лагеря (Усольлаг, Вишералаг, Чердыньлаг, Ныроблаг и др.)
22. Печорлаг
23. Печжелдорлаг
24. Прорвлаг
25. Свирьлаг
26. СВИТЛ
27. Севжелдорлаг
28. Сиблаг
29. Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛООН)
30. Таежлаг
31. Устьвымлаг
32. Ухтпечлаг
33. Ухтижемлаг
34. Хабарлаг

Христина достает с полки книгу, начинает читать одновременно с Амвросием.

ХРИСТИНА:

Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Троию ахеян,
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы!
Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоедор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Грей мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устройением пышный,
Копы, Эвтрес и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Платее и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством...

Во время чтения Александра подходит к столу, берет чашку, наливает в нее из чайника, делает несколько глотков, потом резко бьет ее об пол. Чашка разбивается на мелкие осколки.

Воцаряется тишина.

АЛЕКСАНДРА:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,-
На головах царей божественная пена,-
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер - всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью...

АМВРОСИЙ: Да, это ты резко... Просто Дант какой-то – любовь, что движет солнце и светила... Ну что же, давайте про любовь. Вообще, Мандельштам часто влюблялся. Отношения всегда оставались платоническими, но если от

этой любви не рождались дети, то рождались стихи. Есть несколько имен. Нужно ли их называть (*смотрит на девочек*)?

ХРИСТИНА: Я бы вспомнила Ольгу Ваксель. Она застрелилась в 30-м году в Стокгольме, не выдержав разлуки с Россией, наверное... И вот это стихотворение, Амвросий... (*протягивает ему книгу*) Возможна ли женщине мертвой хвала....

АМВРОСИЙ:

Возможна ли женщине мертвой хвала?

Она в отчуждении и в силе,

Ее чужелюбая власть привела

К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей

Из гроба ко мне прилетели

Сказать, что они отлежались в своей

Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,

От шейки ее хорошея,

И ты раскрывала свой аленький рот,

Смеясь, итальянсья, русея...

Я тяжкую память твою берегу —

Дичок, медвежонок, Миньона,—

Но мельниц колеса зимуют в снегу,

И стынет рожок почтальона.

Снова звучит Шуберт. Во время чтения стихотворения девочки становятся друг к другу спиной, опускаются на колени, так что голова одной оказывается на плече другой.

АЛЕКСАНДРА (*вскакивает с места*): Нет-нет-нет! Все как-то рвано и непоследовательно! Я ничего не понимаю. Какие-то стихи невероятно сложные, образы жуткие какие-то. Ласточки круглых бровей из гроба... Так мог написать, по-моему, или сумасшедший...

АМВРОСИЙ: Здесь пауза должна быть многозначительная...

АЛЕКСАНДРА: У Мандельштама есть что-нибудь о Боге?

АМВРОСИЙ: У Мандельштама все о Боге. Нет-нет, я понимаю, о чем ты. Прочти вот это (*протягивает книгу*)...

АЛЕКСАНДРА (*читает*):

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

ХРИСТИНА (*подхватывает*):

С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган. Святого Духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

АМВРОСИЙ:

Вот неподвижная земля, и вместе с ней

ВМЕСТЕ:

Я христианства пью холодный горный воздух,

АМВРОСИЙ:

Крутое «Верую» и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
И христианских гор в пространстве изумленном,
Как Палестины песнь, нисходит благодать.

ХРИСТИНА: В 1924 году Мандельштам женился на Надежде Яковлевне Хазиной. Он любил ее невероятно, неправдоподобно. Например, когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал ее от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах.

Александра в этот момент веником сметает осколки чашки на полу.

АМВРОСИЙ: Все попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надежда Яковлевна не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву. Мандельштаму, впрочем, казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот.

ХРИСТИНА: В Москве Осип Эмильевич ни с кем не дружил. Пастернак как-то мялся, уклонялся. Начальство Союза писателей вело себя подозрительно сдержанно.

АМВРОСИЙ:
 В год тридцать первый от рожденья века
 Я возвратился, нет - читай: насильно
 Был возвращен в буддийскую Москву...

ХРИСТИНА:
 Уж я люблю московские законы,
 Уж не скучаю по воде Арзни.
 В Москве черемухи да телефоны,
 И казнями там имениты дни.

АЛЕКСАНДРА: В первый раз Мандельштама арестовали в мае 1934 года. Будто за стихотворение «Мы живем под собою не чуя страны...».

АМВРОСИЙ:
 Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлёвского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 А слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются усища,
 И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет,

Как подкову, кует за указом указ:
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него - то малина,
И широкая грудь осетина.

ХРИСТИНА: Он словно шел по краешку пропасти, как соловей заходился в пении, не замечая никакой опасности...

АЛЕКСАНДРА: Правда Ахматова утверждает, что Мандельштама арестовали за «Волка». Это домашнее название стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков»...

АМВРОСИЙ (*Амвросий сбрасывает со стола листы бумаги, с книжных стеллажей книги*): Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Следователь нашел "Волка" и показал Осипу Эмильевичу. Тот молча кивнул. Его увезли в семь утра. Было совсем светло.

АЛЕКСАНДРА (*обращаясь в зал*): Пожалуйста, кто прочитает это стихотворение?

Звучит стихотворение:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

АМВРОСИЙ: Сталин очень любил кошачьи игры с обреченной, полузадушенной жертвой. Мандельштам признал всё, в чем его обвинили –

ведь он не был несгибаемым бойцом с железной волей (бойцы таких стихов не пишут).

АЛЕКСАНДРА: Бедный-бедный Мандельштам! Маленький, худой, узкоплечий, лопоухий Мандельштам... Он совершенно ясно видел свою будущую смерть и смерть многих тысяч в этой стране. И с кем он мог бороться?

АМВРОСИЙ: Разве только с Богом, как Иаков. И получить новое имя – свой тюремный номер.

ХРИСТИНА: Вокзал. Начало тюремного этапа. День был ясный и светлый. Из каждого окна глядели "тараканьи усища" виновника торжества. Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже охранники не могли посадить его в тюремную карету. Ахматова его не дождалась на вокзале, и от этого Мандельштаму в Чердыни стало казаться, что она, Ахматова, непременно погибла.

АМВРОСИЙ (*лезет на стремянку, укладывает книги на стеллаж*):
Приговор - три года Чердыни. Там Мандельштам выбросился из окна больницы, потому что ему показалось, что за ним пришли, и сломал себе руку. Он тогда точно тронулся умом – в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал расстрелянный труп Ахматовой, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

ХРИСТИНА: Четвертая строфа из знаменитых Стансов, Амвросий? Пожалуйста.

АМВРОСИЙ (*со стремянки*):

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме.
Клевещущих козлов не досмотрел я драки,
Как петушок в прозрачной летней тьме,
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки,—
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок (*спрыгивает со стремянки*). И я в уме.

АЛЕКСАНДРА (*закрывая руками уши*): Не могу слушать. Какой-то бред.

ХРИСТИНА (*подходит к Александре, касается рукой ее щеки, опускает руки Александры*):
Я скажу тебе с последней

Прямотой:
 Все лишь бредни, шерри-бренди,
 Ангел мой.

Там где эллину сияла
 Красота,
 Мне из черных дыр зияла
 Срамота.

Греки сбондили Елену
 По волнам,
 Ну а мне - соленой пеной
 По губам.

По губам меня помажет
 Пустота,
 Строгий кукиш мне покажет
 Нищета.

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли, -
 Все равно.
 Ангел Мэри, пей коктейли,
 Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
 Прямотой:
 Все лишь бредни, шерри-бренди,
 Ангел мой.

АМВРОСИЙ: Мальчик в козловых сапожках, в плисовой поддевочке, с зачесанными височками стоит в окружении мамушек, бабушек, нянюшек, а рядом с ним стоит поваренок или кучеренок -- мальчишка из дворни. И вся эта свора сюсюкающих, улюлюкающих и пришептывающих архангелов наседает на барчука:

-- Вдарь, Васенька, вдарь!

Сейчас Васенька вдарит, и старые девы, гнусные жабы, подталкивают друг друга и придерживают паршивого кучеренка:

-- Вдарь, Васенька, вдарь, а мы покуда кучерявого придержим, мы покуда вокруг попляшем...

Осип Мандельштам. «Четвертая проза»... Опять что-то померещилось.

ХРИСТИНА: А давайте теперь о музыке, а? Ну, немножко. Ведь он так любил музыку. Помните, в «Египетской марке»: Громадные концертные спуски шопеновских мазурок...

АЛЕКСАНДРА: ...широкие лестницы с колокольчиками листовских этюдов...

АМВРОСИЙ: ...висячие парки с куртинами Моцарта, дрожащие на пяти проволоках...

АЛЕКСАНДРА:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе...

ХРИСТИНА *(рукой закрывает рот Насте, говорит тихо, ритмично, потом в ритме стихотворения начинает играть в «классики» по воображаемым плиткам)*:

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант, -
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,
Заученную вхруст,
Одну сонату вечную
Играл он наизусть...

Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,--
Чего там? Все равно!

Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...

Все, Александр Герцевич,

Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич.
Чего там! Все равно!

АЛЕКСАНДРА (*в сердцах*): Вот это да! Про что не возьмешься писать, Осип Эмильевич, все про смерть получается...

ХРИСТИНА: Приговор три года Чердыни был смягчен – Мандельштам был отправлен...

АМВРОСИЙ: В Воронеж?..

ХРИСТИНА:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,—

АМВРОСИЙ: Воронеж —

ХРИСТИНА: блажь,

АМВРОСИЙ: Воронеж —

АЛЕКСАНДРА: ворон,

АМВРОСИЙ: нож...

ХРИСТИНА: нож...

АЛЕКСАНДРА: нож...

АМВРОСИЙ: нож...

Я вздрагиваю от холода,
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото,
Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь,
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!

Так вот она, настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,

Какая беда стряслась!

Что, если, вздрогнув неправильно,
 Мерцающая всегда,
 Своей булавкой заржавленной
 Достанет меня звезда?

Звучит танго Г. Остера «Черные глаза». Александра и Христина танцуют танго, при этом произносят текст.

ХРИСТИНА: После окончания срока ссылки Мандельштам возвращается в Москву, но здесь ему жить запрещают. Живет в Калининне... Получив путевку в санаторий, уезжает с женой в Саматиху, где вновь арестован. Приговор - 5 лет лагерей за контрреволюционную деятельность.

АЛЕКСАНДРА: Однажды, в телефонном разговоре Сталин спросил Пастернака, почему тот не хлопочет?.. "Если б мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти!" – сказал Сталин.

АМВРОСИЙ (*по окончании танго*): Из воспоминаний Меркулова: «С Мандельштамом я познакомился довольно печальным образом. Распределяя хлеб по баракам, я заметил, что бьют какого-то щуплого маленького человека в коричневом кожаном пальто. Спрашиваю: «За что бьют?»

ХРИСТИНА: В ответ: «Он ткнул пайку». Я спросил, зачем он украл хлеб. Он ответил, что точно знает, что его хотят отравить, и потому схватил первую попавшуюся пайку в надежде, что в ней нет яду. Кто-то сказал: “Да это сумасшедший Мандельштам!”.

АЛЕКСАНДРА: Сумасшедший Мандельштам!

АМВРОСИЙ: Сумасшедший Мандельштам!

ХРИСТИНА: Нет, это не Мандельштам сумасшедший, это мир вокруг него сошел с ума!

АЛЕКСАНДРА: С Мандельштама сыпались вши. Пальто он выменял на несколько горстей сахара. Мы собрали для Мандельштама кто что мог: резиновые тапочки, еще что-то. Он тут же продал все это и купил сахару...

АМВРОСИЙ: Вот то единственное, что по некоторым свидетельствам Мандельштам написал в лагере: «Черная ночь, душный барак, жирные вши».

ХРИСТИНА: Вторая речка. Пересыльный лагерь под Владивостоком. 5 декабря, когда резко ухудшилась погода и налетел снежный ветер со скоростью до 22 метров в секунду...

АЛЕКСАНДРА: ...ослабевший Мандельштам не смог выйти на расчистку снежных завалов. Он был положен в лагерную больницу 26 декабря, а умер 27 декабря в 12.30.

ХРИСТИНА: Вскрытие тела не производилось. Дактилоскопировали умершего 31 декабря, а похоронили уже в начале 1939 года.

АМВРОСИЙ: Всех умерших штабелями, как дрова, складывали у правой стенки лазарета, а затем партиями вывозили на телегах за зону и хоронили во рву, тянувшемся вокруг лагерной территории.

Звучит песня Шуберта «Любимый цвет».

ХРИСТИНА: Жизнь и смерть Мандельштама это ведь жизнь и смерть ...

АЛЕКСАНДРА: ...репрессированного, великого, вечного искусства...

ХРИСТИНА: Поэтому Вторая речка?

АМВРОСИЙ: И снова и снова: 3 января 1891 года в Варшаве...

АЛЕКСАНДРА:
Это какая улица?

АМВРОСИЙ:
Улица Мандельштама?

ХРИСТИНА:
Улица Мандельштама?

ВМЕСТЕ:
Улица Мандельштама!

На фоне музыки ребята достают из книжного стеллажа белые разделители. На разделителях неожиданно вместо литер алфавита – названия лагерей ГУЛАГа: «Карлаг», «Дубравлаг», «СЛОН»... «Вторая речка». Амвросий и девочки прибивают таблички к березе у стены и, взявшись за руки, убегают по ступенькам лестницы вверх.

КОНЕЦ